

V. DEX

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ

ПОВЕСТЬ

V. Dex

Время собирать

«Автор»

2026

Dex V.

Время собирать / V. Dex — «Автор», 2026

«Время собирать» — это повесть о вынужденном дауншифтинге в жизни одарённого подростка. История о том, как пережить потерю, переосмыслить ценности и обрести надежду. Главная героиня постигает мир истинной красоты, приобретая новых друзей, становясь сильнее в испытаниях. Подобно библейской Руфи, оставаясь верной своей семье, она получает шанс, когда вокруг всё рушится. Повесть продолжает цикл «Гроздь силы», погружая в особенности взросления детей в многодетных семьях.

© Dex V., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	6
Глава 2.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

V. Дех

Время собирать

*Посвящается моему папе,
научившему меня читать
и научившему меня любить читать*

Глава 1.

Папы не стало в прошлом году. Случилось это в мае, когда учебный год уже фактически закончился. Всё чётко разделилось на «до» и «после». В первом, безграничном и ярком, периоде были стабильность, планы, ясность, во втором – хаос, непонимание, безнадёга. Последние несколько лет семья жила на съёмной квартире. Это объяснялось необходимостью быть мобильными, а ещё деньги от продажи трёшки понадобились на различные проекты. Папа регулярно напоминал важный экономический принцип: нельзя хранить яйца в одной корзине. Было приобретено оборудование для мастерской, оплачена аренда на год вперёд, сделаны какие-то инвестиции.

Сбережений никаких особо не было, поэтому пришлось извлекать всё раннее вложенное. Сделать это оперативно и без больших потерь было невозможно, поэтому жизнь постепенно превратилась в выживание. Из квартиры в центре пришлось перебраться за МКАД, мама устроилась на работу в какое-то издательство, новые школа и детсад соответствовали правилу: по успешным моделям двигаются миллионы, но достигают успеха единицы. Всё вокруг уменьшилось в размерах: комнаты, двор, карманные деньги. Новая реальность грубо отсекала привычные зоны комфорта. Прежнее демократическое устройство заменил лаконичный авторитаризм:

– Тиму в сад отведи.

А это означало, что встать придётся на сорок минут раньше, но кому это сейчас было интересно?

– После школы заberi Сёму из художки, я в обед его туда отведу.

И день становился короче ещё на полчаса.

Самым муторным было понимание, что всё происходящее, если и временно, то не для того, чтобы стать лучше, а чтобы испортиться окончательно.

Какое-то время пытались сохранить приоритеты той, прошлой, жизни. Выходные – это дни, когда вся семья выходит куда-то для совместного времяпрепровождения, поэтому искали парки поблизости, заведения общепита, развлекательные площадки. Но постепенно кратность таких вылазок уменьшалась, пока совсем не сошла на нет. Выходные стали бонусными днями, когда доделывали незаконченное в будни.

И ещё стало душно. Раньше Женя не замечала, что вокруг так много людей. Сейчас они были везде: в лифте, возле подъезда, на площадке, в магазине. Они были шумные, плохо воспитанные, часто агрессивные. Они даже не раздражали, а, скорее, утомляли своим постоянным присутствием. Их машины занимали все стояночные места во дворе, их собаки гадили, лаяли, неожиданно выскакивали из-за угла. Казалось, что все они: и люди, и машины, и собаки – двигались здесь быстрее и бессмысленнее.

К новому классу привыкнуть Женя тоже не могла. Она и в старом особо ни с кем не дружила, но там всё было регламентировано, а значит, понятно. А в этой школе главным правилом было отсутствие чётких и понятных правил, всё двигалось хаотично и непредсказуемо. В таких условиях строить с кем-то серьёзные отношения, даже при желании, было невозможно.

– Женечка, ты зарегистрировалась на новой платформе? Ссылочку я в группе оставляла, – с натянутой улыбкой спрашивала классный руководитель.

Эта платформа была третьей за последние две недели, и регистрация на них была простой профанацией. Большинство одноклассников, также натянуто улыбаясь, ввали, что всё сделали. И так было почти во всём. Одни ввали, другие знали, что им врут, а те, кто ввали, тоже знали, что об их вранье известно. И так по кругу. Но всех это устраивало, и как-то циферки сходились. В старой школе учителя оберегали детей от ненужной информации, умели отделять мух от

котлет, и это формировало взаимное доверие. На новом месте открытость и честность были не в почёте.

Хорошую успеваемость удавалось поддерживать на старых дрожжах: старая школа дала и хороший багаж знаний, и работающие навыки. Всё больше созревало понимание, что после девятилетки нужно идти в колледж, получать профессию и помогать маме поднимать младших.

– Не надо спешить, – не соглашалась мама. – Ещё почти два года. За это время или визирь умрёт, или осёл сдохнет.

Она не любила принимать стратегические решения, это всегда была миссия папы. Женя была уверена, что и при переезде можно было по-другому распорядиться имеющимися ресурсами. Привлечь папиных друзей, партнёров, связаться со старыми клиентами. Но мама как-то сразу сдулась, сложила руки, возможно, испугалась ответственности, и, спрятавшись в ракушку, оказалось самым удобным выходом. Где-то в глубине души засела обида, но Женя решила не поднимать эту тему, понимая, что исправить ничего уже не получится.

Иногда она позволяла себе поездки «по местам боевой славы»: прогулки по локациям прошлой жизни, посещение старых знакомых, погружение в атмосферу утраченных иллюзий. Получалось это не часто. Во-первых, мама этого не одобряла, советовала, не беречь душу, во-вторых, раньше мама ходила на работу, когда было вдохновение, а теперь – с понедельника по пятницу. И все домашние заботы, контроль за младшими братьями и сестрой перекладывались с маминых плеч на её. Но эту отдушину она терять не хотела и всячески выкраивала свободное время для возврата в прошлое.

– Ты на маму не гони, – успокаивал её папин коллега, дядя Миша. – Она и так молодец, не сломалась, не запила, барахтается, как может.

– Да я и не гоню, – оправдывалась Женька. – Только зачем барахтаться и идти ко дну, если можно было бы продолжить папин бизнес?

Дядя Миша причмокивал и пускался в рассуждения:

– Так-то оно так, но папка твой был мозг. Всё на его идеях держалось. Мама – талантливый художник, хороший фотограф, но не организатор. Залезла бы, потом, вообще, ни с чем бы осталась. И жила бы ты, дорогая, на улице или где ещё похуже. Так что хорошо, что она вовремя остановилась и на ступеньку ниже спустилась.

– Да уж, на ступеньку, – закатывала глаза девочка, – на целый пролёт. Я себя теперь героиней сказки чувствую, царевной-лягушкой. Только болото наше далеко очень, до него ни одна стрела не долетит.

Дядя Миша хмыкал носом, оценивая образность мышления подростка и обычно что-то предлагал: деньги на карманные расходы, возможность подработать. От помощи она всегда отказывалась, насчёт подработки обещала подумать, но знала, что времени у неё на это не будет.

Иногда заходила она в кафе, в которых часто бывала с семьёй, заказывала чай и долго сидела, рассматривая посетителей. Когда косые взгляды официанток переставали быть тайными, уходила, но эти мгновения были глотками свежего воздуха в её новом душном мире.

Маме подробности о своих поездках предпочитала не рассказывать, а та особо и не спрашивала, понимая, что происходит в душе дочери.

Нельзя было сказать, что не предпринималось попыток обжиться на новом месте, принять новую действительность, но результат был неутешительным.

Осенью группа ребят из класса поехала на турслёт, Женьку, как человека креативного и творческого, пригласили редактором-оформителем: предполагался конкурс стенгазет.

– Вот-вот, езжай, развеешься, – радовалась мама.

– Ага, развеюсь. Ты бы их идеи послушала. Хорошо, что в лесу стен нет, и их творения недолго будут глаз радовать.

На непонимающий взгляд мамы отвечала:

– Ну, у них же конкурс стенгазет, они планируют газеты на какие-то стены в лесу вешать? Воображения не хватает на что-то новое, живут в рамках, кем-то до них созданных.

– Ну вот, ты их творческие способности и разовьёшь.

У Жени энтузиазм был сильно ограничен, но на слёт она всё-таки поехала.

– Давайте назовём команду «Warstars», – донимал всех на бивуаке не умолкающий подросток.

Она даже не могла вспомнить его имя, но, как ответственный редактор, была вынуждена спросить:

– И какое отношение это будет иметь к слёту?

– Как какое? Вся жизнь – война, а мы в ней звёзды!

– Не «в», а «на» – ставила на место упивающегося своей оригинальностью юнца завед.

– Ну а ты что предлагаешь? – обиженно спрашивал несостоявшийся звёздный воин.

– Можно «Медведки», и связь с микрорайоном, и насекомое крутое.

– А что в нём крутого? – не сдавался оппонент.

– Учение – свет. Они прикольно поют, строят дома, бегают, плавают, роют тоннели.

Прямо, как ты любишь, – универсальные солдаты.

Побеждённый в интеллектуальном бою сдавался, признавая авторитет нового лидера.

Когда команда заняла первое место на конкурсе газет, никто не удивился: другого результата и не ждали: явной была разница между представленными жюри экземплярами. Кто-то даже заподозрил, что к участию привлекался профессионал. Но радости почему-то не было, всё произошедшее никак не уменьшило пропасть между ребятами. Женя, как была для класса чужой, так и осталась.

Посещать старую изостудию не получалось, нужно было искать что-то рядом.

– Ты мне скинь фотки работ местного препода и старсов, – предложил ей дядя Миша.

Художка, куда записали второклассника Сёму, была в двух автобусных остановках от их дома. Акварели и графика лучших из худших обильно украшали стены. Чем дольше Женя ходила по коридорам в ожидании брата, тем больше понимала, что её наставнику придётся очень постараться, чтобы в промежутках между причмокиваниями подобрать веские аргументы для записи на курс.

– Да-а, – тянул, листая галерею, папин друг, – оскудела земля наша. Но, нет худа без добра: ты уже досрочно победитель всех их конкурсов.

И он раскатисто заливался смехом. Она была благодарна ему за поддержку, за то, что возится с ней, оставаясь одной из последних нитей, связывающих её с беззаботным прошлым.

– Слушай, а может тебе начать фрилансить? Это нашему поколению перестроиться сложно, а тебе самое то. Кой годик тебе миновал?

– Скоро четырнадцать, – вздыхала кандидатка в ньюэйдж.

– Ну вот, ты скоро и по закону сможешь официально работать, мать, думаю, не будет против, она все безумные идеи папки твоего поддерживала. Адаптирована. Есть у меня ученик, он в этом деле профессор, могу свести.

Перспектива была заманчивой.

– Спроси, попробую.

Мама, ожидаемо, закатила глаза:

– Папина дочка. Зов крови?

– В принципе, дядя Миша предложил просто попробовать. Не получится – можно бросить. Да и ученик его ещё ничего не ответил.

– Папа твой тоже всё пробовал. Надо было хоть что-то обстоятельно делать, не тужились бы сейчас.

Мама не винила мужа в произошедшем с ними, говорила это больше, чтобы предостеречь дочь от необдуманных действий и где-то в подсознании понимала, что гены его, работающие в Женьке, могут вернуть их в потерянный рай.

Номер Дисы с припиской «Не звони ему, напиши в телеге» дядя Миша скинул через неделю. Диса было сокращённое от Денис. Вообще, было удивительно, как он не уменьшился до Ди или просто Д. Казалось, что это был человек-автомат по удалению, переработке, трансформации всего, к чему он прикасался. Он даже разговаривал конвейерно:

– Первое: ты со мной, не чтобы заработать, а чтобы научиться зарабатывать. Второе: Миха сказал, что ты мыслишь, как папа, значит, будем прокачивать промптинг. И третье: я не Мать Тереза, не будешь приносить доход – распрощаемся.

Когда-то Диса был популярным художником, даже выставлялся с хорошими мастерами, но завязался с ИИ и всё лишнее отрезал. Женька понимала, что к искусству её деятельность имела опосредованное отношение, да и дохода вначале особого не приносила, а вот времени отнимала достаточно. Была мысль: пусть поднатаскает её Диса, и можно будет уйти на вольные хлеба, но постепенно вся эта деятельность, лишённая жизни начала выхолащивать душу.

– А чего ты хотела? – урезонивал её дядя Миша. – Это не мы такие, это жизнь такая. Запросы времени.

– Я не верю, что папа мог бы подобным заниматься. Постепенно в бота превращаешься.

– Папа твой был человеком другой формации, он, может быть, и не занимался бы... Если бы дожил. А у нас с тобой выбор небольшой.

Мама к её терзаниям относилась с большим пониманием:

– Не нравится – не делай.

– Тебе тоже не нравится в издательстве, но ты не уходишь.

– У тебя нет четверых детей, – улыбалась мама. – Короче, завязывай с этой механикой.

Но Женя решила ещё потерпеть.

Поставленные Дисой задачи чем-то напоминали домашние задания в прежней школе. Необходимы были концентрация на предмете, чётко выделенные временные рамки, отсутствие отвлекающих факторов. Всё это в новой Женькиной жизни было большим дефицитом. Художественная школа была отвергнута, как ненужная трата времени и сил, всё, связанное со общеобразовательной, – сведено к минимуму, домашние задачи – чётко структурированы. Высвободившееся время делилось на этапы: от сложного – к простому. Сначала было погружение в суть вопроса, изучение всех особенностей, потом создание первичного наброска, и, наконец, оттачивание продукта через различные системы проверок. Работодатель был доволен своей новой ученицей, он давно понял, что, чем моложе фрилансер, тем быстрее он погружается в тему.

Раздражали постоянные внесистемные атаки. Никто из окружающих не собирался мириться с Женькиной работой. В школе быстро поняли, что человек она способный, а значит, нужный. Использовать её пытались в олимпиадах, конкурсах, движениях; ученица с такими данными просто обязана была работать на создание портфолио и учреждения в целом, и отдельных педагогов.

– Женечка, рисуночек! Женечка, сочиненьице! Женечка, проектик! – несло со всех сторон.

Выхода было два: первый – всем отказывать, второй – делать так, чтобы больше не просили. Оба варианта были неприятными, но, не желая создавать себе ещё большие проблемы, выбрала второй. Постепенно активность просителей сошла на нет, а с редкими попытками воскресить надежду Женя справляться научилась.

Сложнее было с домашними. С заболевшим Тимой сидеть могла либо она, либо мама.

– Ну ты же свои промпты пишешь дома, ну и пусть он рядом будет. Ты же понимаешь, что я не могу пойти на больничный, – резонно замечала мама.

В голове вертелось, что её работа предполагает чёткую концентрацию, что зарабатывает она уже почти как мама в своём издательстве, но, ничего не говоря, кивала головой в знак понимания и согласия.

Такой ритм изматывал, и рано или поздно это должно было привести к печальным последствиям.

Случилось это в конце зимы. Младшая сестра на физкультуре подвернула ногу и несколько дней находилась дома, Женя решила использовать эту ситуацию в своих, корыстных, целях. Передав ей часть своих полномочий, попросила у Дисы какое-нибудь серьёзное задание с процентной оплатой.

– Смотри, проверять тебя будет некому. Накосячишь – красная карточка.

Задание было связано с сокращением инструкций для телеграм-бота торговой компании. Сложность была в маневрировании между двумя задачами, взаимоисключающими друг друга. С одной стороны текст нужно было сократить ради экономии средств заказчика, с другой, должна была остаться надёжная защита от провокаций. Работа была понятной, требовались сосредоточенность и качественные проверки конечного результата. Вот с этим вышла проблема. Время, выделенное для тестов, ушло на работу по дому.

– Я же просила тебя собрать Тиму в сад, – давила она на сестру.

– И как я должна была это делать на одной ноге? Я и так помогла сделать домашку Сёме, хотя мы об этом не договаривались.

Возразить было нечего, пришлось отвлекаться и идти мыть брата, гладить ему одежду, собирать рюкзак. Вернуться к работе в этот день так и не получилось, а утром она должна была уже быть у Дисы.

Позвонил он вечером следующего дня:

– Бот взломали, скрины слили в сеть. Конкуренты, видимо, увидели изменения и решили проверить, а ты, видимо, решила не проверять.

Женя молчала.

– Я тишину в эфире расцениваю, как признание вины?

Сказать было нечего, оправдания были бессмысленны. Она понимала, что юридическую ответственность за её работу нёс Диска, и теперь ему придётся очень постараться, чтобы остаться на плаву.

– Ну, он взрослый человек и прекрасно понимал, что такую ответственность вешать на подростка рискованно, – пробовала утешить мама.

А дядя Миша отнёсся ко всему произошедшему философски:

– А я в этой истории вижу только плюсы. Ему это хороший урок, он на тебе неплохие деньги зарабатывал, и хотел при этом ничего не делать и ничем не рисковать? Нет, батенька, не те времена. И на тебя эта кабала плохо действовала. Мать говорит, ты как тень отца Гамлета стала, вроде бы персонаж и неплохой, а вот пугаешь окружающих. Да и ко мне ты первый раз за всё это время пришла. Так что не вешай нос.

Потеряв место в команде Дисы, она расстроилась не столько из-за финансовой составляющей, сколько из-за возвращения в реальность. Высвободившееся время необходимо было чем-то занимать, чтобы не сойти с ума, но сделать это было не просто. Как обычно, поддержал дядя Миша:

– Запишись на онлайн курс по живописи, я первый год проплачу, а дальше что-нибудь придумаем. Таланты зарывать нельзя: спросить сверху могут, – и он указывал пальцем на небо.

Мама такому повороту событий была рада, сетевые заработки дочери пугали, а здесь всё было ей знакомо, понятно, а значит, не опасно. Она интересовалась успехами, помогала с заданиями, указывала на недочёты. Ей казалось, что жизнь налаживается, появляется какая-то стабильность, что можно жить, как живут люди вокруг них, не ставя перед собой труднодостижимые задачи, а изо дня в день делать свою работу.

Женя пыталась заставить себя согласиться с такой позицией и не могла. Уверенность, что живут они неправильно, скорее не живут, а просто существуют, крепла в ней всё сильнее. Она опять терзала дядю Мишу:

– Я вижу наперёд свою жизнь и это меня страшит. Училище, потом работа, где какой-нибудь Диса будет выдавать мне промпты, обрезая мне крылья.

– Ты рассуждаешь, как твой папа. Не получится делать только то, что ты хочешь. За свободу нужно будет заплатить несвободой. Разница только в процентном соотношении. А абсолютной свободы нет, и лучше тебе это понять сейчас и смириться.

Понять – она понимала, но смириться не могла. Видя, что ни мама, ни дядя Миша её не понимают, она могла бы погрузиться в мир грёз, но воображение, вышколенное окружающими реалистами, сыграло злую шутку. Мечтать она могла только в границах возможного, а они всё больше сужались, вытесняя мало-мальски привлекательные варианты.

Когда маме предложили хорошую работу в крупной корпорации, все обрадовались, решив, что жизненная синусоида наконец-то, достигнув низшей точки, пошла вверх. Решили все, кроме Жени. Она не поверила в освобождение, чувствуя подвох, но пока ещё не понимая, в чём он.

Глава 2.

Работу маме предложили в крупной нефтяной компании. Позвонили из администрации, разыскивая папу, он выполнял для них разовую работу, и сейчас они решили предложить ему контракт. Узнав, что он умер, звонивший выразил соболезнование и хотел было уже попрощаться, но мама спросила, что конкретно делал для них муж. Оказалось, речь шла о съёмке какого-то объекта. Мама вспомнила: эти фотографии были её, тогда менеджер предложил подъехать с образцами работ, и после короткого собеседования папин контракт подписали с ней.

Условия были шикарные. Вечером мама рассказывала, как скоро изменится их жизнь. За столом царило оживление: строили планы, фантазировали, смеялись.

– Мама, а мы купим собаку? – спрашивал Тима.

– Да, но сначала купим дом.

– Для этого тебе надо будет получить премию НПА – приземляла мечтателей Женя.

– Не обязательно, – продолжала мама. – Мы сможем накопить на дом с моей зарплаты и премий.

– В Простоквашино.

– Да-да, хочу в Простоквашино! – включался не понимающий иронии Тима.

Дядя Миша видел во всём происходящем торжество справедливости:

– У хороших людей жизнь, как зебра: тёмные полосы для того, чтобы становиться сильнее, а светлые – для отдыха в этом процессе.

– И чему вы все радуетесь? – не унималась Женя. – Просто воронка стала мощнее. Ну будем мы сытнее есть и слаще спать, но и платить за это придётся больше.

Она сама не могла понять, почему так относится к новой маминой работе, возможно, сказала накопившаяся усталость, возможно, длинная зима, но даже ночью сознание не принимало ситуацию.

Как-то приснилась ей лошадь. Женя не могла потом вспомнить никаких обстоятельств, осталась только большая голова с налитыми кровью глазами, вздувшимися венами и трясущимися губами. Во сне она пыталась погладить, успокоить животное, но оно не давалось, задирало голову, и это добавляло ещё большее напряжение. Потом лошадь начала ржать, и делала это, словно задыхаясь, захлёбываясь выступающей пеной. Жалость сменилась испугом, а затем паникой. Она пыталась бежать, но ноги не слушались, став ватными, а голова всё это время была рядом, хрипя и давясь. Проснувшись от своего движения, когда уворачивалась от лошади. Сев на кровати, поймала себя на мысли, что тяжело дышит, словно на самом деле бежала.

Не склонная к мистицизму, свой сон объяснила недавним заданием на курсе. Тогда прописывали лошадиные фигуры в динамике, и преподаватель, анализируя её наброски, советовал ей посмотреть живых лошадей, возможно, даже поездить верхом. Подобная рекомендация никак не вписывалась в нынешний их образ жизни, поэтому невоплощённый совет преобразовался в сон. По крайней мере, так она себя успокоила.

Атмосферности добавила весна. Нельзя было сказать, что в новом районе убирали снег хуже, чем в центре или что работники были нерадивее, но, возможно, скопление домов, машин, людей привело к катаклизму. Лужи были такие, что мама впервые озабочилась приобретением резиновых сапог. Даже когда светило солнце, оно не приносило облегчение, а указывало, насколько неразумной была тёплая одежда. Дорога в садик и школу превращалась в квест, пройдя который, ты получал право пройти этот путь ещё раз, но уже в другом направлении. Нельзя было сказать, что вокруг господствовал серый цвет, потому что дороги, дома, небо были не серыми, а мёртво-грязными, и хотелось либо куда-то спрятаться, либо помочь всему этому побыстрее закончиться.

Спрятаться можно было только в наброски, этюды, зарисовки в рамках курса, и погружение в это помогало как-то сократить время, отведённое на весну. Она стала замечать за собой странную метаморфозу: в старой школе взаимодействие с интерактивным и виртуальным мирами считалось недоброкачественным, книга была приоритетнее компьютерной программы, а запах краски в мастерской преобладал над растровой графикой, сейчас же низкопробный, в оценке прошлых авторитетов, мир стал вполне привлекательным. Сказался комплекс событий последнего года: и низкий образовательный уровень новой школы, и работа с Дисой, и разрушение старых, привычных связей. Было похоже на замену матрицы, и новая вначале казалась плохой, потому что была непривычной. Потом пришла мысль, что, возможно, она не хуже, а просто другая, и в ней есть стоящие фрагменты, нужно просто их найти. Если раньше свои работы она показывала маме, дяде Мише, друзьям папы, то теперь появился круг людей, имевших отношение к творческим платформам и ставших для Жени единомышленниками, советчиками, критиками. Сеть нивелировала различные условности реального мира, упрощая жизнь, и в какой-то момент это стало устраивать.

Мама же с головой ушла в работу. Сразу привлекли системность, приобщение к элите, расширившийся спектр возможностей. Немного смущали холодность и отсутствие искренности, зато теперь всё подчинялось инструкциям, положениям, приказам, а не размытым идеям, воплощение которых под большим вопросом. Ещё к минусам можно было отнести требования к внешнему виду. Привыкшая работать в удобной одежде, мама с трудом облачалась в деловые костюмы, туфли на каблуках. Успокаивала себя мыслью, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят.

Первый тревожный звоночек прозвучал, когда доход за март остался в магазинах и салонах, о которых раньше и не слышала. Вторым, уже более мощным сигналом, стали командировки, оказавшиеся неотъемлемой частью её работы. И если в издательстве все помнили, что она мать-одиночка и что у неё четверо детей, то здесь всё личное должно было оставаться за большой стеклянной дверью.

– Найми няню, гувернантку, – не понимала маминой тревоги коллега из отдела по связям с общественностью. – Сейчас для тебя работа – это главное. Она твоя крепость, а не семья. Только она поможет тебе не просто вырулить, а рулить процессом.

– Возможно, я ещё просто не втянулась, – пыталась успокоить себя мама. – Просто привыкла знать, как живут мои дети, чем живут. А сейчас на это совсем нет времени.

– Поверь, когда втянешься, времени будет ещё меньше, – не желала брать на себя роль психолога коллега. – А не втянешься, дети будут жить очень плохо, потому что у тебя не будет работы.

Помимо работы в отделе, пришлось стать завсегдатаем различных формальных и неформальных встреч. Официально их было немного, но существовало неизменное:

– Милочка, сегодня генеральный будет на форуме. Сбегай, отсними.

Подобные, внеплановые, ивенты исключали маму из семейной жизни. При папе было тоже много незапланированного, разрушавшего привычный ход событий, но всё контролировалось родителями, они могли в любой момент остановиться и дать задний ход. Здесь же свобода отсутствовала как понятие. До работы в компании мама была уверена, что люди творческие – это особая каста неприкасаемых, живущая по своим законам и взаимодействующая с остальными по мере необходимости, но система перемалывала всё не соответствующее ей. Удивил случайный разговор на одной вечеринке с крупным менеджером:

– Ты не поверишь, – разоткровенничался тот, – но большинство правил, по которым мы все живём, разработал я. И самое смешное, что мне самому приходится им следовать.

– Почему же не делаете исключения хотя бы для себя? – недоумевала мама.

– Ты же художник! Это популярнейшая тема в искусстве: творение, уничтожающее творца. А если серьёзно, то, если система не для всех, то это дефективная система. А какой смысл создавать поломанный механизм?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.